

РУДИЯР

ПЕРУНОВА СЛОБОДА
ИСТОРИЯ БОЙЦОВСКОЙ ОБЩИНЫ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2023

УДК 316.354.4
ББК 60.546.4
Р83

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Рудияр

Р83 Перунова Слобода. История бойцовской общины. — М.: Тотенбург, 2023. — 260 с.

В этой книге — воспоминания организаторов и участников уникального социального эксперимента, в ходе которого идеалистически настроенные бойцы спортивного клуба пытались в конце нулевых построить справедливое общество нового типа.

**УДК 316.354.4
ББК 60.546.4**

© Рудияр, 2023

© Издательство «Тотенбург», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

О ЧЁМ ЭТА КНИГА.....	7
ГЛАВА 1. КОГДА И КОМУ ЭТО ПРИШЛО В ГОЛОВУ. А ГЛАВНОЕ — ЗАЧЕМ.....	8
ГЛАВА 2. ПЛАНЫ ПО ЗАХВАТУ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА.....	22
ГЛАВА 3. КАК МЫ КРОЛИКОВ РАЗВОДИЛИ.....	39
ГЛАВА 4. ЭКОПОСЕЛЕНИЕ, БОЙЦОВСКАЯ СЛОБОДА, ИЛИ КАК НЕ ПРЕВРАТИТЬСЯ В КОЛХОЗ.....	54
ГЛАВА 5. РАЗБОРКИ С МЕСТНЫМИ.....	74
ГЛАВА 6. НЭП.....	91
ГЛАВА 7. БЕЗ ПОЩАДЫ И ДО ПОБЕДЫ.....	108
ГЛАВА 8. РОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ.....	123
ГЛАВА 9. СКОТНЫЙ ДВОР.....	140
ГЛАВА 10. ЭКСПЕДИЦИОННОЕ БЕШЕНСТВО.....	157
ГЛАВА 11. УМЕРЕТЬ НА РИСТАЛИЩЕ.....	170
ГЛАВА 12. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.....	186
ГЛАВА 13. СПЕЦСЛУЖБЫ.....	199
ГЛАВА 14. ДЕТИ ПЕРУНОВОЙ СЛОБОДЫ.....	214
ГЛАВА 15. ОХОТНИК.....	229
ГЛАВА 16. ПЕРЕРОЖДЕНИЕ СЛОБОДЫ.....	244

*Мануал для тех,
кто желает создать собственную секту*

О ЧЁМ ЭТА КНИГА

Что-то происходило. Маленькая деревушка в провинциальной глуши стала источником странной активности. Сюда стекались люди со всей России, а кое-кто ехал даже из-за рубежа. На её территории вдруг начали проводить официальные турниры по рукопашному бою, на которые ехали журналисты и чиновники с недоумевающим видом. Летом здесь возникали палаточные лагеря, в которых были замечены люди с умными лицами, говорящие на литературном русском языке. Даже зимой группы молодёжи с трассы на лыжах уходили в её направлении. Кое-кто из местных утверждал, что в деревне обосновалась группа революционеров, желающих отобрать землю у крестьян, а заводы у рабочих, другие доказывали, что это наркокартель осваивает новые плантации опиумного мака, служители церкви убеждали свою паству в том, что отныне та деревня — рассадник языческой греховности... Сотрудники МВД из отдела по борьбе с экстремизмом были вынуждены начать свои проверки.

Обращение к рецензирующим органам: просьба все события данной книги оценивать сквозь призму художественного произведения. Любые совпадения с реальными людьми и событиями считать случайными. Фото взяты из свободного доступа в Интернете.

ГЛАВА 1

КОГДА И КОМУ ЭТО ПРИШЛО В ГОЛОВУ. А ГЛАВНОЕ — ЗАЧЕМ

Потрёпанный «Газон», пыля по грунтовке, во-
рвался в притихшую деревушку, как тарантайка Бе-
зумного Макса на Дороге Ярости. У крайнего дома
в растерянности стояли двое, не понимая, как им реа-
гировать на внезапно появившийся грузовик.

— Дави их, Жека! Дави паразитов! — орал я
с переднего сиденья.

Жека, пацифист и вегетарианец с претензией
на сыроедение, от волнения впал в гипнотический транс
и, мало понимая, что делает, утопил педаль газа в пол.
«Газон» заревел подобно БТРу и грозно рванул к цели,
грозясь намотать кишки на шины. Парочка, наконец
уразумев уготованную им печальную участь, ломанула
по единственной улице мимо ветхих изб с заколочен-
ными окошками. И вот картина маслом: сверкая пятка-
ми, по дороге несутся двое парней с не на шутку пере-
пуганными лицами, а за ними летит, подпрыгивая
на ухабах, грузовик, на переднем сиденье которого рас-
текается матерной бранью бритоголовый маньяк.

— Группа захвата, на выход!!! — проорал я, ударив
кулаком в борт, когда беглецы нырнули в заросли малины.

Из кузова, изрядно взболтанные скачкой, поша-
тываясь и хватаясь руками за воздух, вывалились трое
в масках и с оружием. Они неуклюже кувыркнулись,
кто как сумел, и распластались на земле, глупо ут-
кнувшись стволами кто в забор, а кто в кусты. Жека
выдохнул и попытался отпустить руль, но побелевшие
пальцы явно отказывались подчиняться.

— Лицо попроще, — напомнил я ему и выпрыгнул из салона.

Забывтая людьми деревня мирно дремала, закутавшись в тёплое одеяло спелого лета. Постапокалиптическая идиллия, в которой на развалинах цивилизации бессмертная природа цветёт и пахнет. Прищурившись, я посмотрел туда, где над крышей крайнего дома гордо реял алый стяг с надписью «Стрелы Перуна».

Вспоминает Андрюха:

«У нас в "Стрелах Перуна" руководство осуществлялось следующим образом. Мы собирались, обсуждали, голосовали, принимали коллективное решение, а потом, когда Топор считал, что потребность в демократии у народа удовлетворена, он всё делал по-своему. Так и со Слободой было. Пока мы разные варианты подбирали, он просто купил дом в этой деревне, повесил там флаг клуба и привёз нас знакомиться с будущим местом жительства».

Две бабушки, единственные жительницы этого захолустья, с восторгом отнеслись к появлению нашего коллектива.

— Как весело стало жить, с тех пор как мальчики переехали! За водой на колодец идёшь, а тут стреляют, а там взрывается что-то...

Но в 2009-м мы ещё не переехали. Мы только готовились к вторжению. А в качестве знакомства с местностью я решил провести «партизанку» — так мы называли специфический жанр военизированных игр с пневматическим оружием и пиротехникой по очень, очень свободным правилам.

Вспоминает Антоха:

«В партизанках я предпочитал ерундой не заниматься и лишний раз не шуметь. Потому что только дурак спешит стрелять. Гораздо приятнее и полезнее со стратегической точки зрения найти у противника продсклад и всё там сожрать. И даже ночами, пока всякие глупые романтики шляются по полигону в поисках сомнительных приключений, я предпочитал забуриться подальше от всех, сложить печку и в тепле хорошенько отоспаться. Съел сгущёнку врага, выпался — считай, война выиграна. Тем более что если я изменял своей военной доктрине, то мне что-нибудь да простреливали. На той партизанке в 2009-м Диман мне на дуэли палец продырявил.

Как сейчас помню: подходим мы к деревне, а на опушке — засада. Выскакивает Диман из кустов и, как ганфайтер, кладёт руку на кобуру своего "Аникса". Я тоже за пушку хватаюсь. Но он в тот раз ловчее оказался, нашипиговал меня сталью. Шарик шкуру продырявил и поверх сустава большого пальца лёг. Перчатки-то и прочие женские штучки я никогда не признавал. Не вижу проблемы — шарик ножом из под шкуры выколупать. Главное — на лезвие помочиться для дезинфекции, и с пальца заодно кровь смыть... И всё — можно резать».

— Вы там что, браконьерите? — мне впоследствии не раз предъявляли претензии с Госохотинспекции. — Постоянно с вашей деревни стрельба какая-то слышится.

Да, стрельба с нашей стороны слышалась действительно часто, так как «Стрелы Перуна» регулярно баловались тактическими играми и иногда выполняли упражнения по практической стрельбе. И хотя мы не были, собственно, хардбольным клубом, но бойцы на-

шего коллектива стояли у истоков хардбольного движения в республике.

Для тех, кто не в курсе, хардбол — это «войнушки» с использованием спортивной пневматики, стреляющей свинцовыми и стальными пулями. Хардбол был для нас формой активного отдыха, а также инструментом тактической подготовки. Но основной практикой клуба, конечно, оставался рукопашный бой.

Три раза в неделю мы с ребятами собирались в Сосновой роще Йошкар-Олы, чтобы провести двухчасовую тренировку по штурмовому бою (наиболее жёсткое направление славяно-голицкой борьбы, предполагающее взаимную лобовую атаку без права на отступление). Здесь, на легендарном «Острове» мы жгли костры, дрались, готовились к турнирам, отмечали дни рождения, кормили своими потными спинами комаров и обсуждали планы по захвату мирового господства.

Вспоминает Диман:

«Я сначала был гопником, потом металлистом, потом сатанистом, а потом в "Стрелы Перуна" попал. А дело было так. Отмечал, как сейчас помню, 8 марта. 9-го был в разобранном состоянии. И чтобы меня взбодрить, мой товарищ по пивной юности потащил меня на тренировку.

— Я, — говорит, — сам не пью и пьющих презираю.

— Это с каких пор? — удивлению моему не было предела.

— А с тех пор, как я стал стрэйтэйджером! — и лицо у него в этот момент такое умное стало, каким никогда до тех пор не было.

— Стрэйтэйджеры, — объяснял он мне, — это такие особые ребята, которые не пьют и не курят, а вместо этого постоянно дерутся. И сегодня тоже будут.

— А это для здоровья не вредно? — на всякий случай уточнил я.

— Нет! — уверял он меня. — Алкоголь же по печени бьёт, это действительно опасно. А там — так... В основном в голову».

Возвращаясь вечером домой с тренировки, я встречал группы неформалов, открыто раскуривающих марихуану, гопников, бьющих бутылки об асфальт и задирающих прохожих, проходил по заваленному мусором пляжу, заходил в заплёванный семечками подъезд и думал о том, что обязательно кого-нибудь укокошу. Рано или поздно, но мы встретимся в тёмной подворотне: я и мой социальный антипод. И тогда либо меня прирежут, либо я поеду по этапу. Общество, в котором я жил, было мне чужим.

Вспоминает Андрюха:

«Я всегда чувствовал себя антисистемщиком, потому что система, в которой я воспитывался, воспринималась мной как что-то неправильное. Я родился в СССР и даже в пионерах успел побывать. А потом, когда Союз рухнул, умы молодёжи (не без помощи взрослых) захватила воровская идея. Законы улиц стали писаться группировками. У нас в школе гопники устраивали показательные казни над непокорными. Соберутся толпой на перемене, окружают жертву и издеваются. А учителя сделать ничего не могут, потому что старшеклассники живой заслон создавали. Потом директор нашёл выход: милиция стала в школе дежурить...

А потребность бунтовать против такого положения вещей я осознал, когда у меня друга зарезали во дворе. Я стал интересоваться боевыми искусствами, с одной стороны, с другой — искал единомышленников, понимая, что злу можно результативно проти-

востоять только в команде. А ещё стал писать песни под гитару в революционном рок-н-рольном духе. Собственно, через это творчество и попал в коллектив, где впервые ощутил дух товарищества. Это был бардовский клуб. Мы собирались на квартирах, устраивали концерты и выражали свой протест через музыку и злободневные тексты. Но, к сожалению, много бухали. А синька — она не один коллектив развалила.

В общем, когда я очередным тёмным вечером, возвращаясь с тренировки по ушу, получил арматурой в голову за свои длинные бардовские волосы (даже не успев принять стойку дракона), то сделал два значимых вывода: первый — ушу для русских улиц не очень хорошо подходит, второй — одними песнями делу не поможешь. Тогда кто-то из знакомых сказал, что знает про товарищей, которые сами не гопари, но гопарей при этом не боятся. Так я оказался в "Стрелах Перуна"».

Тренировки в Сосновой роще стали для многих парней отдушиной и спасательным кругом, не позволявшим идти на дно там, где были потеряны все жизненные ориентиры. Приходя сюда, новенький неизменно завязывал с алкоголем и табаком, бросал старые уличные компании и обзаводился новыми друзьями. Настоящими. Теми, кто готов был за ближнего хоть в огонь, хоть в воду, хоть на стрелку. Это называлось «братство». Пройдя крещение в уличных схватках с гопарями, познав брутальность жёстких тренировок под открытым небом, приняв участие в бескомпромиссной спортивной борьбе за призовые места на турнирах, парни постепенно открывали для себя собственное понимание пути воина. Не крахмально-кимоношное, не книжно-киношное, а живое, настоящее, хотя и беспощадное. То самое, с солёным вкусом крови на губах.

Вспоминает Вероника:

«Мне всегда нравился экстремальный спорт. И ещё смотреть, как мужики дерутся: энергией от них заряжаешься, потом летаешь, как на крыльях. Поэтому когда у меня брат с тренировки вернулся с фингалом, я поняла, что должна это видеть. А возможно, и принять участие.

Но на тренировке бить меня никто не хотел. Я им говорю: "Бейте нормально, чего вы меня жалеете?!", — а они мычат чего-то, как телята, и глаза опускают. Всё изменилось, когда я с Антохой Хиртургом встала в пару. Он вообще без лишних разговоров сразу врезал мне от души, и я упала в снег. Лежу, думаю: "Вот, настоящий мужчина нашёлся!". А тренер как раз задание даёт: работаем "бой с тенью", импровизируем, пусть тело само двигается так, как ему хочется. А я — лежу. Он подходит, смотрит на меня и говорит: "Ну, полежать тоже можно, если телу так хочется... "»

Таковыми были «Стрелы Перуна» во второй половине нулевых. Помимо тренировок по штурмовому бою и проведению хардбольных игр, мы ещё ходили в походы, проводили показательные выступления на общественных мероприятиях, разрабатывали собственную систему стритфайтинга, выпускали самиздат и курировали бойцовский клуб RFC, где дрались все желающие на голый кулак по свободным правилам.

Вспоминает Диман:

«Я был на всех собраниях клуба RFC. Первое Топор провёл ещё в 2008-м. Тогда у него рука в гипсе была — вернулся с чемпионата России по ШТУРМу. Поэтому он сам не дрался, только правила объяснял: мол, так и так, правил особых нет. Кто сказал "стоп",

считается проигравшим. Собрался народ какой-то непонятный: и нефора, и паркурурики, и футбольные фанаты. Короче, все, кто Паланика читал.

Мой первый бой был с очень шустрым парнишкой, утверждавшим, что изучает ниндзюцу. Он хоть и был меня на голову ниже, но оказался очень агрессивным. Всё время норовил ногой в прыжке просадить. Но когда пару раз в бубен выхватил, остыл немного. Потом я его на захват поймал и уже на земле добил.

А вернувшись домой после клуба, весь грязный и в ссадинах, я сбрил свои нефорские пряди, которые у меня на тот момент до пояса висели. Побрился наголо. А волосы продал. Старые знакомые по металтусовке не поняли и не оценили:

— Связался, — говорят, — с бритоголовыми. Ох, до добра тебя это знакомство не доведёт!

А я уже чувствовал, что мне на тот момент с ними общаться не о чем. У них все разговоры о том, кто и где нажрался и какую дичь потом творил. Скучно. Скучно бритоголовому трезвому юноше среди пьяных патлатых панков. Скоро моим единственным окружением остались парни из "Стрел Перуна"».

Идея уехать в деревню, чтобы, находясь там, «дать всему миру просратья», пришла не сразу. Она стала, с одной стороны, логичным следствием моего непростого материального положения и отсутствием ясно видимых перспектив, а с другой — плодом долгих и мучительных размышлений над судьбами родины, которые, как ни крути, сводились к беспощадной формулировке «полная хрень». Я вернулся с армии, работал в бригаде промышленных альпинистов, жил на съёмной квартире, был женат, думал о том, что рождение и воспитание детей — есть мой долг перед родом. Но мысль о том, что мои дети родятся и вырастут на съёмной квартире, не

имея собственного дома, не понимая, что такое своя земля, сызмальства контактируя со всей той грязью, которой наполнено безыдейное российское бытие, была для меня невыносимо мучительна.

Я сказал Ксении:

— Давай уедем куда-нибудь подальше, построим дом и будем жить счастливо.

Она сказала:

— Давай.

Мы завели специальный конверт, на котором она карандашами нарисовала домик, и стали в него откладывать скудные денежки, надеясь однажды скопить хоть что-то. Мы даже решили отказаться от съёмной квартиры и переехали к её бабушке в двушку, дабы сэкономить на жилье и сделать процесс накопления средств хоть сколько-нибудь ощутимым. А потом произошёл инцидент, который заставил меня от мыслей «хорошо бы» перейти к решению «пора действовать».

На объекте подо мной оборвались перила (сварочный брак), и мне «повезло» с размаху хлопнуться грудной клеткой на торец металлической трубы. А действительно повезло в том, что я упал не с крыши, а на крышу. Грудина была сломана, но зато остался жив. Произошедшее воспринял как знак: пора уходить с промальяпа.

— Ты что, так и будешь всю жизнь по стройкам лазить? — голос совести убеждал меня в том, что в этой жизни нужно хотя бы попытаться сделать что-то значимое.

И вот когда я наконец оторвал свою травмированную тушку от постели и заковылял на тренировку, то озвучил соратникам идею.

— Уважаемые, — обратился я к внимавшим, — а знаете ли вы из курса истории, что такое бойцовская слобода?

Бойцовская слобода — феномен средневековья, появившийся благодаря повсеместному распространению практики судебных боёв. Судный бой — это когда вы с соседом поделить чего-то не можете (женщину, лошадь, закуску или просто так спорите, ради принципа) и идёте к судье, а тот говорит: «История какая-то мутная... Ничего не понятно! Пусть всё решит честный мордобой». В общем, кто побеждает, тот и прав.

Этот варварский обычай некогда был традиционен для всей Европы. И наши предки от цивилизованного мира старались не отставать, поэтому били друг друга нещадно во имя торжества справедливости. А кто не мог ударить ближнего своего сам — обращался за помощью к специально обученным людям. «Вежливым», как бы сейчас сказали. Отсюда и спрос на профессионалов, продававших свой кулак. А если есть спрос — появится и предложение. Так и возникали бойцовские слободы, где кулачное ремесло являлось формой семейного бизнеса.

Вспоминает Антоха:

«В Шаолине я мечтал побывать ещё с детства. Но вместо Шаолиня после детдома попал в армию, а после армии — в "Стрелы Перуна". И как-то на тренировке Топор озвучил идею построить "русский Шаолинь", то есть Слободу. Звучало интересно. Я прикинул: в реальном Шаолине меня, скорее всего, какой-нибудь мастер бил бы палкой, а в русском Шаолине, скорее всего, палкой кого-нибудь буду бить я. Решено: еду! Да и как я мог не ехать? Вы только представьте: драккар отчаливает от берега, все доблестные мужики на его борту уже грызут щиты, а Антоха Хирург стоит на берегу и платочком слёзки утирает... Тьфу! Я б сам себя уважать перестал, если б в такую авантюру не вписался! Планов никаких не строил. Считаю,

что умственно полноценный россиянин никаких планов не строит, адекватно оценивая общественно-политическую обстановку на родине. Принцип прост: главное — вязаться в драку, а там видно будет...»

Даже уже и не вспомню, насколько радостно восприняли мою затею парни. Но, безусловно, прилив энтузиазма был. Да и как иначе? Все — молодые, неженатые. Гонору до фига, как говорит мой папа, а толку...

Короче, мы тогда, стоя в кругу, решили, что сей проект — наша возможность осчастливить мир светом своей мудрости. Дело оставалось за малым:

— найти землю подальше от государства, чтобы оно не мешало строить светлое будущее;

— оформить эту землю;

— придумать, из какого ила и палок лепить дома;

— слепить эти самые дома;

— и ещё придумать, как деньги зарабатывать.

Задачи казались сложными, но достойными. Воспринимались как вызов. А что ещё бойцу нужно, если не вызов?

В то время популярным вызовом звучало «из деревни в город» — так «пацаны шли к успеху». Уезжай в город, чтобы больше зарабатывать, больше зарабатывать, чтобы больше тратить, больше трать, чтобы всем доказать, какой ты мегадоминантный самец. Среди нас не было ни одного человека, кто разделял бы подобные установки. Нам действительно не нравилось то общество, в котором мы жили, нам действительно хотелось попытаться что-то изменить. И мы действительно думали о том, а почему бы не попробовать построить какую-то общественную альтернативу? Возможно, у нас получится? А если даже и нет — что мы теряем? В любом случае, это будет достойное приключение, уникальный опыт и незабываемые впечатления.

Вспоминает Вероника:

«Мы собирались на квартире у Антохи Хирурга. Народу всегда было очень много, еле помещались. Девчонки стряпали, парни ели. Один только Топор не ел. Ему некогда было: он вещал о том, как хорошо иметь домик в деревне. С пламенными речами он выступал перед нашей аудиторией, призывая: "Создавайте семьи и стройте с нами Слободу!". И так он это зажигательно говорил, что всем девчонкам сразу как минимум замуж захотелось. А многим, в том числе и мне, — строить Слободу».

Спустя годы как психолог могу дать оценку тем странным формам, которые принял наш юношеский максимализм. Это было сильное желание доказать себе и миру, что мы стали взрослыми. Даже не так. Мы подсознательно стремились загнать себя в полную задницу, чтобы потом, выбираясь из неё, были вынуждены повзрослеть. Потому что, увы, жениться, родить детей и даже ходить на работу — это всё не требует взрослости, потому что не требует самостоятельности. Постепенный переход от одной ступеньки лестницы социального роста к другой подразумевает лишь исполнительность и конформность, но вовсе не раскрытие потенциала личности. Детский сад, школа, армия, институт, работа — это всё стадии шлифовки гражданина, который в авторитарном обществе остаётся существом глубоко инфантильным, лишённым всякой пассионарности. Наш порыв строить являлся вполне сознательным стремление выйти из-под пяты Большого Брата, показать ему средний палец и проорать: «Мы не рабы, рабы не мы!!!». Мы не рабы? Мы точно не рабы, или этот возглас — не более чем пустой трёп капризного ребёнка?

Однажды я наблюдал, как мой отец ремонтирует трактор. Мы застряли в поле. Шёл дождь.

— Найди кусок проволоки.

— Принеси камень.

Я выполнял его указания, не понимая, что за магия сейчас творится там, в моторно-карбюраторном чреве механического монстра. Но магия свершилась, и мы поехали дальше наперекор всем законам логики. Как можно починить трактор с помощью камня и куска проволоки под проливным дождём? Я не знал. Но мне очень хотелось узнать. Научиться. Нет, не тракторы ремонтировать, а получить ту выдержку, которую продемонстрировал мне мой отец. Тот удивительный, подлинно мужской характер, которому подвластно любое бытие. Который способен любую сказку сделать былью. Мой отец показал мне, как надо строить. Но я строить не умел, я мог лишь ломать. Я думаю, что когда протест из стадии «ломать» переходит в стадию «строить» — это и есть надёжный маркер взросления. Я хотел построить что-то, что считал прекрасным, чтобы потеснить то, что считал безобразным. Ещё плохо понимал, ЧТО именно нужно строить. Ещё хуже понимал, КАК именно нужно строить. Но уже ясно представлял, что если мы не возьмёмся за это сейчас, пока у нас полные баки тестостерона, то не возьмёмся уже никогда.

Вспоминает Андрюха:

«Идея Слободы стала логичным продолжением потребности протестовать. Когда все прочие формы протеста были уже испробованы, Топор предложил выйти на новый уровень — создать своё поселение. Бойцовское поселение как форма протеста против циничного общества потребления. Думаю, что коммуны хиппи питались примерно той же энергией. При этом важно отметить, что мало кто из участников проекта, возможно кроме самого Топора, имел какие-то конкретные личные цели в рамках общего концепта

Слободы. Лично я точно не видел никакого ясного будущего. Наиболее точным отражением моего тогдашнего жизненного кредо является лозунг "слабоумие и отвага!". Важнее каких-то конкретных целей для меня было ощущение единства: есть команда, мы вместе что-то делаем, а когда вместе — уже и не так важно, что именно делаем...»

Мы шли по заметённой снегом тропе Сосновой рощи колонной по два привычным маршрутом от «Острова» до остановки Петрова.

— Кто мы??? — кричал я голосом сержанта, которого, как известно, солдаты должны бояться сильнее врага.

— Стрелы Перуна! Стрелы Перуна! — неслось дружное из-за спины.

— Что нам нужно???

— Нам нужна победа! Нам нужна победа!

Нам была нужна победа, а более победы нам нужна была хорошая драка, потому что без драки дружина существовать не может. Тренировки, участие в соревнованиях — это всё прекрасно, но это не могло затмить главного — того, что постепенно опускалось на наши головы из платоновского мира идей, превращая нас в факелы. Тогда, в 2009-м я хорошо понимал, что строительство Перуновой Слободы, бойцовского поселения, которое мы назовём клановым и которое станет нашей святыней, — вот драка, достойная «Стрел Перуна». Драка, что станет самым мощным эк-заменом на прочность нашей команды.

ГЛАВА 2

ПЛАНЫ ПО ЗАХВАТУ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА

По тропинке, ведущей с мостика, показался полный человек с блестящей от пота лысиной, который вёл рядом с собой старенький велосипед. Он охал и кричал, что было вполне понятно: таскаться с велосипедом по заросшим полям — так себе занятие. Стояла жара, и, наверное, полный человек с блестящей лысиной очень хотел пить. Я решил избавить его от мучений, предложив родниковой воды с бочки, а заодно выяснить цель его приезда. Ведь даже мой кот Гитлер сообразил: ехал полный человек к нам. А к кому ещё? На другом конце деревни жили две бабушки с сыном-пенсией, а на этом — мы, «Стрелы Перуна», о которых тёмные слухи уже расползались по всему району. Вероятность того, что именно мы стали целью визита этого полного человека с озабоченным лицом, была несравненно выше. Бабушками уже давно никого не удивишь.

— Я — новый глава сельсовета, — представился полный человек, выпив ковш холодной воды, — приехал познакомиться, узнать, кто тут у нас живёт.

И добавил, осторожно озираясь по сторонам:

— А то люди всякое говорят...

— Что именно говорят? — таким же вкрадчивым тоном переспросил я.

— Говорят, то ли скинхеды тут обосновались, то ли наркоманы...

Поводов для сплетен у народа было предостаточно. По инстанциям в основном ходили мы с Андрюхой, потому что я умел говорить, а у Андрюхи была машина. При этом я — лысый и в бомбере, а Андрюха воло-

сатый и глаза навывкате, как будто его третий день с передоза штырит. Вот у людей и когнитивный диссонанс: то ли скинхеды, то ли наркоманы...

Да и вообще, о чём могли люди думать, когда слышали, что в заднице мира, куда дорога бывает только четыре месяца в году, обосновалась группа молодых ребят с города и за каким-то чёртом оформляет землю, которая даром никому не нужна? Ну ясно же как божий день: будут там коноплю выращивать в промышленных масштабах или трупы утилизировать в компостной куче. Потому что все нормальные парни в город рвутся за развлечениями и лёгкими деньгами. Но была ещё одна версия.

Её разработчиком и горячим проповедником стал местный батюшка, возжелавший славы Великого инквизитора. По мнению отца святой церкви, уже из самого названия банды «Стрелы Перуна» следовало то, что эти асоциальные элементы не просто связаны с криминалом, но ещё и идолопоклонники, что гораздо хуже. Ибо кающийся уголовник имеет шанс на спасение, а законопослушный язычник — никогда, ведь преступным является само его существование.

Впрочем, батюшка и подозревать не мог, что щупальца нашего клана проникли и в его святую обитель: среди бабушек, вкушавших гневные проповеди по воскресным дням, мало кто умел держать рот на замке. А болтун, как известно, — находка для шпиона.

Вспоминает Антоха:

«Наверное, я могу себя назвать язычником. Но никакой религиозной составляющей в "Стрелах Перуна" никогда не было. Ну какие у нас были ритуалы? По четвергам мы отмечали День Перуна. Соберёмся на пустыре, разведём костёр. А речь, кстати, идёт о нынешнем центральном стадионе "Дружба". И там

лупим друг друга во славу Перуна почём зря. Вот и вся религиозная составляющая.

Помню, однажды по каким-то причинам праздник отменили, а мне неймётся: настроение-то праздничное. Пошёл гулять. Вижу, стоят студенты, человек пять-шесть. Я к ним:

— Братаны, выручайте! Драться охота — сил нет!

Они настороженно:

— Дядька, ты чё, рукопашник?

Я говорю:

— Какой, нафиг, рукопашник? Полиатлоном занимаюсь. То есть хочу заняться.

Портмоне достаю:

— Я же не бесплатно, я денег дам!

Они покрупнее парня выбрали:

— Давай ты!

А сами мне в портмоне заглядывают, думают "сейчас один по шее получит, зато остальные пива попьют на халяву". Но тот совсем робкий оказался, заднюю включил:

— Мне, — говорит, — этические убеждения не позволяют насиле совершать. Я — пацифист!

Они на него:

— С каких это пор?

Чувствуют, что халява накрыться может. Наседают на него сильнее. Парень чует, что дело клонится к песцу, кричит мне:

— Дядька, давай я тебе сам денег дам, только ты иди, иди!».

Надо сказать, что батюшка не был откровенно голословен, его версия о трижды проклятых язычниках, развращающих души граждан, частично опиралась на данные, полученные от журналистов. Попы к нам в Слободу ни разу не являлись, хотя миссионерство

должно быть у них в почёте (возможно, мученичество уже не столь престижно), а вот журналистов было много. Всё же прекрасный материал для сенсаций мы представляли: «молодые идеалисты уехали в лес, чтобы организовать секту-коммуну, национализировать женщин, детей и коз, и молиться пням в лесу из чувства протеста, потому что доскам в храме уже не модно». Вот, помню, был такой случай.

Приезжает к нам из города очередная съёмочная бригада. Женщина-репортёр мне лично сразу не понравилась: какая-то она дёрганая была, нервная. Похоже, уже была настроена оказаться в логове жутких рептилоидов. А парни решили приколоться и в избе, которая ещё только обживалась нами, в так называемом «красном углу», куда традиционно иконы ставят, положили нож, братину и поставили книгу А. К. Белова «Славяно-горицкая борьба». Я сам когда увидел — испытал лёгкое недоумение. И пока оправдывался перед корреспондентами, ребята ржали под окном, радуясь тому, как меня подставили. А тётя, возглавляющая съёмочную бригаду, всё за чистую монету приняла и сделала вывод о том, что мы — умалишённые, решившие избавить общество от своего пагубного присутствия. И чтобы нас не пиарить по центральному телевидению, сюжет о тоталитарной секте решили в новости не пускать. Ведь людям только пример покажи — завтра все в леса пустятся, чтобы книги вместо икон на полки ставить.

Вспоминает Диман:

«Стрелы Перуна» все считали язычниками. И я тоже на определённом этапе стал считать себя язычником. Но то, наше язычество, наверное, нельзя назвать религией, потому что речь не шла о вере в бога или богов. Это скорее была какая-то метафизика, где

Перун олицетворял собой русскую воинскую идею. И возможность принадлежать этой идее вдохновляла.

Возможно, мне такое язычество было легче воспринять, потому что моя прошлая блэк-металистская тусовка была пропитана духом сатанизма, а сатанизм мной воспринимался не как вера в Сатану, а как идея свободы. Это больше философия, чем религия. И то, и другое давало иллюзию собственной исключительности: ты не такой, как все. Плюс это вызов обществу: "я сатанист" или "я язычник!". А вызов был нужен, потому что когда тебя общество отрицает, ты, в свою очередь, начинаешь отрицать общество и говоришь: "А мне плевать! Мне не нужно ваше одобрение! Потому что у меня есть исключительная идея, отличающая меня от вас".

Чтобы понять это, надо вспомнить о том, в какой среде и в какое время мы росли. Например, я писал стихи, но во дворе не мог никому об этом сказать, потому что меня подняли бы на смех. У нас все ребята были гопниками и мотались за район. Я с 12 лет был в этом "пацанском движе", но всегда ощущал себя в нём чужим. Несколько раз участвовал в отжимании денег и потом очень мерзко себя чувствовал, словно перепачкался в чём-то. А ведь они, носители воровской идеи, все с крестиками на шеях ходили. У нас были разные ценности. Отсюда — естественное желание противостоять всему этому».

Николай, сосед, живший с бабушками на другом конце деревни, тоже сначала поддался идиотским слухам.

Я возился вечером у картовошника, а он шёл по тропинке из села. Будучи подшофе, имел смелость подойти и завести разговор на задевавшую его тему:

— Вот, говорят, вы приехали землю у нас отбирать.

— Кто говорит? — спрашиваю.

— Ну кто... Люди говорят.

— У людей имена-то есть? Или они предпочитают их не называть? Может, у них смелости хватает только на то, чтобы за спинами шептаться и чушь всякую нести?

Николай замялся, а я ему тогда целую политинформацию прочитал:

— Ты, Николай, сам подумай, вместо того чтобы дураков слушать. Земли здесь столько, что никакой нужды отбирать её у тебя нет. Ну зачем мне твой огород? Вот, посмотри, у меня свой есть. У меня полгектара в собственности, а вот здесь два с половиной в аренде. А вот там и там — брошенные, зарастающие бурьяном лога такой площади, что можно стадо целое на них прокормить. А за деревней поля лесом зарастают — за копейки отдают, да не берёт никто. И мне они не нужны. А ты говоришь «отбирать»...

Николай тогда хоть и под градусом был, но прислушался ко мне, а время убедило его в том, что никакого злого умысла в наших действиях не было. Отношения с Николаем в дальнейшем сложились почти родственные. Да и нельзя иначе жить в деревне, где большую часть времени ты фактически отрезан от Большой земли и рассчитывать можно только на своих. Например, когда надо срочно за водкой в магазин сгонять, потому что трубы горят.

— Сосед, выручай! У тебя ж мотоцикл! В магазин надо. Срочно.

— Зачем?

— Ну как зачем? Бутылочку взять.

— За бутылочкой не повезу. Принципы не позволяют. Сказал бы «за хлебом» — другое дело...

— Так я и говорю «за хлебом».

— Ну вот. Другое дело. Поехали!

Между прочим, если бы не Николай — то и не обосновались бы «Стрелы Перуна» в этом медвежьем углу.

Сначала я хотел забуриться подальше в лес совсем в другой части района. Было у меня на примете одно местечко. Ещё студентом я ходил туда на охоту. Людей там не бывало, только дорога осталась от бывшей воинской точки. Да и легенды о том месте ходили нехорошие: мол, леший там «водит»... Я его нашёл случайно: тропил зайца, гляжу — холмики странные, потом вижу — кресты. Оказалось — старое кладбище в лесу. А рядом когда-то была деревня, но давно уже никто не живёт. По-моему — то, что нужно. Но Ксения не одобрила. Ну не любит человек старые кладбища, что тут можно поделать? Тогда сели мы на лисапеды и стали кататься по району, деревеньки подыскивать симпатичные.

Где только не были. Приедешь, бывало, в какую-то глушь — смотришь на домик обветшалый и мечтаешь, как построишь на его месте замок и будешь жить счастливо, как в сказке.

В общем, занесла раз нас нелёгкая туда, где я последний раз ещё школьником был. Пруд, зарастающие поля, небольшие перелески — то, что нужно. И комаров тут не будет — всё продувается, и людей — ибо тупик. Заехали в деревеньку воды испить. А деревня — в одну улицу. Тишина, никого нет. Только тополя шуршат листиками. Проехали на велосипедах туда, обратно. Домов шесть насчитали, большинство — брошенные, участки чапыжником поросли. Остановились у обжитой избушки, постучались в окно.

— Есть кто живой?

Вышел мужичок усатый, пожилой уже, пенсионер. Разговорились.

— Дома тут кто-нибудь продаёт? — спрашиваю.

— Продаёт один, — кивает он, — в конце деревни стоит. Хороший дом, крепкий.

Хороший, нехороший — я понять не могу, не специалист. Но на заметку взял, а мужичок мне и телефон владельца подсказал. Оставалось созвониться и узнать всё из первых уст.

Когда вернулись домой, выяснилось, что деревня эта в прямом смысле слова — земля предков. Прабабушка у меня оттуда родом. А мужичок, с которым я разговаривал, Николай, — пусть очень далёкий, но родственник. Вот такая интересная история. Там даже прадед мой мельницу держал, на ней и утоп в половодье... В общем, земля предков призвала своего сына, так я это понял. И настроился на результативные переговоры.

Вспоминает Антоха:

«Деревня мне сразу понравилась. Место солнечное, цветов много. Значит, ульи можно поставить. А ульи — это не ерунда какая-нибудь. Ульи — это мёд. Я за собой сразу должность пчеловода забронировал. Потому что сироп пчёлам варить — работа ответственная, дилетантов к ней допускать нельзя...»

За дом с хозяйством и полгектара земли владелец просил восемьдесят тысяч. Сейчас кто-то скажет «копейки» и, в принципе, будет прав. Изба в хорошем состоянии (сруб и крыша отличные, большое подполье), ледник для хранения мяса, огромный хлев с сеновалом, баня, омшаник, мастерская, скважина с питьевой водой, металлический контейнер для хранения зерна, сад, хотя и заросший, — и всё богатство отдают за восемьдесят штук. Но у меня и этих не было. Спасало то, что других покупателей на этот участок продавец найти всё равно не мог: в такую глушь никто соваться не хотел, да и дорога туда была только летом. А как дожди — глина пре-

вращала грунтовку в непролазный кисель и сводила логистику к нулю. Впрочем, то, что для других было минусом, для меня выглядело плюсом: меньше народу — больше кислорода. Такой была моя философия.

Съездили, посмотрели дом. Кроме хорошо сохранившегося сруба, там смотреть было нечего. Бывший хозяин от русской печи, с которой теперь уже было беспощадно выдрано всё железо, вывел металлические трубы по периметру избы в качестве батарей отопления. Однако после его смерти никто не удосужился слить с системы воду, она так и простояла в них десять лет. Естественно, первой же зимой лёд превратил всё это хозяйство в груды металлолома.

Батя простучал стены и заявил:

— Брёвна в отличном состоянии. Можно брать.

Впрочем, чтобы брать, мне не доставало сущего пустяка — сорока тысяч (сорок мы всё же с Ксенией накопили). План «А» подразумевал раскулачить её бабушку, которая имела большой запас финансовых ресурсов для пышных похорон своей царской персоны. Но бабушка оказалась крепким орешком и давать деньги своей внучке на новоселье наотрез отказалась. Зато в долг согласилась. Хорошо, что не под процент. Никогда не брал в долг — против моих принципов. Но здесь решил не упускать случая — всё-таки куём новую реальность. Когда деньги были на руках, стало можно подписывать договор купли-продажи.

Вспоминает Диман:

«У меня был выбор: либо поступать в вуз, либо ехать в Слободу. Вариант со Слободой казался интереснее, поэтому я особо и не раздумывал».

Должен сказать, что в те годы процедура оформления была несколько более муторной, чем сейчас, тем

более что у владельца дома не оказалось многих нужных документов. Сам он бегать по инстанциям не мог в силу природного слабоумия, поэтому я сделал на себя доверенность и потащил этот крест. А чтобы не упустить времечко, заплатил ему задаток и получил право наведываться в свои будущие владения для подготовки будущего вторжения.

Не только сад, но и двор, и даже территория перед домом за десять лет отсутствия тут человека серьёзно заросли. Репейник на скотном дворе поднялся выше человеческого роста, и его приходилось вырубать топором. Под окнами спилили акацию — зачем-то в стародавние времена было модно сажать кусты у самых окошек. Ветхие заборы и сарайки сносили, гнилые доски укладывали штабелями на дрова. С сада выгребали огромными вязанками сухие ветви яблонь и черёмухи, рубили, складывали в дровянике. Видели ли мы тогда достаточно ясно то, что хотим получить? Только в общих чертах.

Вспоминает Миха:

«Я рано женился, поэтому быстро развёлся. После развода жил на складе, на котором работал. Удобно: на общественном транспорте можно экономить. Когда Слободу строить начали, я подумал: "Это хороший способ перезагрузиться". Никаких представлений о будущем не имел. И терять было нечего».

Выбранная нами деревенька лучше всего подходила для строительства «кланового бойцовского поселения». Во-первых, здесь действительно было много дешёвой земли, а значит, мы спокойно могли оформлять участок за участком под индивидуальное жилищное строительство, рассчитывая, что у каждого когда-нибудь будет собственный дом. Во-вторых, мы могли

уверенно реализовать какой-нибудь сельскохозяйственный проект, должный лечь в основу нашего финансового могущества. Например, построить кролиководческую ферму. И, конечно, здесь была возможность воздвигнуть спортооружения, дабы проводить мероприятия по линии клуба: сборы, турниры, тренировки...

Ну, а по мере того, как наше благополучие и достаток будут расти, вместе с этим и слава о нас понесётся по сёлам и весям, городам и странам. Люди узнают о Перуновой Слободе, будут складывать о ней песни и сказания, возрастет число желающих присоединиться к могучему клану «Стрелы Перуна». И вот уже на карте России возникнет новый населённый пункт с необычным и гордым названием, который окажется костью в горле господствующего олигархата и началом новой политической эры в судьбе порабощённого народа.

По крайней мере так это выглядело в моей голове, отравленной свежим воздухом и идеалистическими настроениями. И если бы тогда кто-то попросил меня предельно кратко и ёмко отразить суть нашего проекта, я бы сказал: самодостаточность. Максимально возможная независимость от государства. Потому что, с моих юношеских позиций, государству доверить нельзя было ни безопасность, ни медицинское обслуживание, ни экономические вопросы, ни образование — ровным счётом ничего. Ибо государство может только отнять или посадить. И даже если оно сегодня что-то одной рукой даёт, то завтра обязательно вернёт себе в два раза больше. Для нас, детей 90-х, это были аксиомы, не нуждающиеся в обосновании. Мы жили в соответствии с тем недоверием к миру, которое в нас поселила взрастившая эпоха.

Вспоминает Антоха:

«Я рос в детдоме. И у меня никто не спрашивал, мечтаю ли я о пути воина, насколько мне интересны боевые искусства и что я думаю о правах человека. Драться было так же естественно, как ходить и дышать. Поэтому мы ходили, дышали и дрались. Это, наверное, сейчас нужно молодым людям продавать идею о том, как это круто — уметь себя защитить. А у меня и других ребят из детдома это было базовой потребностью. Поэтому когда появились фильмы с Брюсом Ли и Арнольдом Шварценеггером, я увидел в них то предложение, от которого не мог отказаться.

Всё, что можно было найти по теме боевых искусств, — собирал, бережно хранил, изучал и старался применить. Получалось плохо. Мало того что тайны каратэ и кунг-фу не очень гармонировали с жестокой российской реальностью, так ещё и в душе отклика не находили. Воспринимались, как что-то книжное. Чем, по сути, и являлись.

Годы шли, я рос, со мной росли и мои проблемы. Сейчас это может показаться странным, но умение размахивать кулаками актуальности не теряло. Просто в размерах увеличивались те морды, что нарывались на кулак. В училище, куда я пошёл после 9-го, приходилось драться с поселковской гопотой. Потом была армия. Там, как известно, земляку напинать — что дома побывать. После армии пошёл в вуз на физрука, жил в общежитии. В общежитии высокое искусство мордобоя котировалось выше всех прочих.

В общем, по совокупности вышеуказанных причин, я и обратил внимание на жалкий клочок тетрадного листа, висевший на доске объявлений у вахты, на котором небрежным почерком было нацарапано "русская профессиональная драка". Три слова. И номер телефона. Признаюсь, меня это заинтриговало. Вооб-

ще, я полиатлоном хотел заняться, но подумал, что профессиональная драка — это тоже неплохо. Так я попал в группу обезбашенных дураков, которые спустя пару лет назовут себя "Стрелами Перуна"».

Лучшее, чего мы могли желать к 2009-му — это жизнь в параллельной общественной реальности, где мы сами всё устроили так, как считаем правильным, а государство нас не замечает или, по крайней мере, не пытается нам помешать. И да. Мы думали о самоуправлении. Но тут уже «не пытается нам помешать» точно бы не прокатило, а посему мне нужны были парни, на которых можно было уверенно положиться. А уверен я был не во всех. И этот вопрос достоин того, чтобы на нём остановиться поподробнее.

В Йошкар-Оле у меня был знакомый, профессионально занимающийся политикой. Он непосредственно знал всех высокопоставленных чиновников республики и часто ездил мне по ушам, рассказывая о том, как много «Унылая Россия» сделала для России. И только однажды, незадолго до своей кончины, он позволил откровенность в разговоре со мной. Мы прогуливались по Красноармейской, и он рассказывал о том, как формируется общественное мнение при помощи продажных СМИ, как фальсифицируются результаты выборов, как местные князьки лоббируют свои интересы при помощи наёмных депутатов, как отжимают бизнес при помощи наёмных юристов и как фабрикуются уголовные дела по установленному прайсу при помощи наёмных силовиков.

— Вот вылезешь ты сейчас со своим самоуправлением, — сказал он мне, — и поверь мне, тебя точно посадят. Потому что прыщи на заднице никому не нужны. А ты — прыщ. Маленький, но болезненный прыщ, на раскормленной заднице политического бы-

тия, где всё уже попилено и поделено. Не лезь к тарелке, где для тебя кусок никто не приготовил. Смирись. Пиши свои статейки, выращивай кроликов и занимайся спортом. А в политику не лезь. Посадят. Как скинхеда. Или как наркомана. И ещё сюжет по телевидению пустят о том, как в глухой деревеньке обезврежена банда сектантов, выращивающих плантации опиумного мака в целях подрыва конституционного строя.

В общем, по части самоуправления иллюзий я никаких не пытал, но понимал, что соваться в эту историю одному, не имея за плечами дружной и сильной команды, — бесперспективняк. Ведь одно дело с гопарями в подворотне махать, а другое — на допросе в «конторе» сидеть, когда тебе лет двадцать светит за несовершенные преступления. Тут другой уровень идейности требуется. Именно поэтому в первую ночь нашего заезда в Слободу я зажёл на капище костры.

Вспоминает Миха:

«"Стрелы Перуна" я искал целенаправленно, потому что проявлял большой интерес к родной истории. В том числе к язычеству. А так сложилось, что в нашем городе "Стрелы Перуна" все считали язычниками. Как потом оказалось — зря, потому что ничем, кроме как мордобоем, они не занимались и никакой религиозной составляющей в себе не несли. Но... Название — это же вывеска. Так или иначе, но в клубе была идеология. Я бы её назвал идеологией дружбы, потому что во главу угла ставилось братское отношение друг к другу, взаимоподдержка и надёжность. Поэтому я здесь и остался. Тут был мощный командный дух, чувство плеча».

Я назвал это место капищем потому, что оно обладало какой-то особенной энергетикой. Оговорюсь сразу, я — атеист, а «Стрелы Перуна» — спортивный

клуб, не имеющий никакого отношения к религиозной деятельности. И поэтому все мои образные выражения следует понимать правильно: если я говорю «энергетика», то это лишь потому, что я апеллирую к интуиции, а не рациональным доводам. Ибо не всегда хватает ума, чтобы объяснить то, что нужно объяснить. Например, особенную красоту того места, что я назвал капищем.

Это была поляна на склоне крутого холма, очень похожая на террасу. Ровная, красивая поляна, словно созданная руками людей и для людей. Чтобы можно было здесь собираться узким кругом доверенных лиц (поляна была небольшой), не боясь, что тебя услышат или увидят непосвящённые (сам холм и его склоны густо поросли пахучим сосняком, а внизу журчал родник). Тут же были рассыпаны крупные куски известняка, поросшие мхом, что только добавляло антуража. Из этих кусков камня мы с ребятами собрали подобие алтаря: мощную и устойчивую пирамиду, а рядом выложили костровище. Так что у всякого случайно попавшего сюда бродяги не могло быть сомнений: тут собираются сектанты ради жутких жертвоприношений. Скорее всего, человеческих.

Вообще, я любил ритуалы, потому что имел возможность убедиться в силе их гипнотического воздействия, при условии их грамотной организации. Ритуалы могут сплачивать группу или, наоборот, разбивать её на страты, они могут изменять состояние сознания и быть источником мощнейших переживаний. Но, признаемся честно, чаще являются нелепым цирком. Действительно живой ритуал требует чего-то значимого от своих участников, совершения какого-то серьёзного усилия. Если участие в ритуале ни к чему не обязывает, то оно ничего и не даёт.

На этом капище «Стрелы Перуна» совершали свои ритуалы, на которых почти всегда проливалась кровь,

иногда ломались кости и, что гораздо существеннее, — психика. Ибо ломка психики, для тех, кто не в курсе, — это обязательная составляющая всякой инициации. Но в тот раз мне нужно было иное. Я должен был понять, кто из моей дружины уже прыгнул в драккар, а кто наложил в штаны, и его пора списывать в запас.

Вспоминает Андрюха:

«Топор версии 2010-го — это явный психопат с параноидальным строем мышления. Если им овладела одержимость какой-то идеей, то ради неё он был готов идти до конца, погубить себя и остальных. Поэтому команда остро нуждалась в тормозе, который мог бы сглаживать радикальные заносы вождя. Таким тормозом в "Стрелах Перуна" был я».

На капище ребята разложили дрова для двух больших костров, а между ними соорудили деревянный мост. Далее — простое, но эффектное и волнительное представление. Мы зажигаем первый костёр — костёр клуба, скандируем традиционное воинское приветствие, пускаем по кругу братину с символикой (братина заполнялась всегда только квасом). Затем я указываю на мост и второе костровище, объясняю, что обратной дороги уже не будет, ибо по мосту можно пройти лишь раз — после этого он сгорает. И первый прохожу по нему, поджигая за собой. Там, по другую сторону моста, загорается второй костёр — костёр клана. Я предлагаю сделать выбор всем участникам этого ночного действия, указывая на то, что с отплывшего драккара назад дороги нет. Парни один за другим проходят по горящему мосту. Кто-то волнуется, соображая, правильно ли он поступил, кто-то торопится, опасаясь, что мост прогорит прежде, чем он успеет присоединиться к команде. Но кто-то продолжает стоять

на месте, ибо разумеет: лучше сейчас притормозить, чем брать на себя обязательства перед дружиной, которые потом можешь и не вывезти.

Вспоминает Диман:

«Тот вечер запомнился гаммой противоречивых ощущений. Я прошёл по горящему мосту автоматически, руководствуясь привычным мне "хей, мы ж команда!". А потом, когда увидел, что кто-то остался там, по другую сторону моста, подумал: "А почему они остались?". И вдруг понял: они задумались, а я — нет...»

Для меня было важно не только убедиться в наличии слабых звеньев (на тот момент мне этот факт был абсолютно очевиден, и было понятно, кто чего стоит), но куда важнее, чтобы парни сами своими глазами увидели, кто прошёл по мосту, а кто остался. Знал ли я тогда, холодной апрельской ночью, что нам действительно по ложному доносу придётся побывать на допросах, а слабое звено, как и предполагалось, треснет, что самым роковым образом скажется на судьбе команды?..